

Когда надо было где-то отмечать свою машину, Коротков писал ее без кавычек. Потом, когда делали замечание, исправлял.

Алмера – какие кавычки, какое иносказание?! Это имя. Как Алла!

С виду Коротков был черствым человеком, потому что не распространялся в диалогах. «Да», «нет» и пара вежливых слов – чего балаболить.

Одевался он строго: однотонная рубашка, галстук, костюм. Но, бывало, и с какими-то выкрутасами: джинсы, шейный платок, кроссовки. Тогда это называлось «загулял». Впрочем, спиртное употреблял – именно «употреблял» – в меру. Он стремительно седел, постригался почти под ноль. И лицо его приобрело стальной цвет.

Стальным Коротков делался от того, что не видел вокруг людей, перед которыми можно было «расплавиться». У него не было друзей. Опытным путем он узнал, что всегда и всюду от него чего-то хотят. А если и не хотят, то с друзьями надо пить, куролесить, выезжать на природу и, главное, слушать их приевшиеся рутинные разговоры.

Брат Валентин жил в Саратовской области, имел магазинчик, в котором продавалась редкая для сегодняшнего дня конская сбруя. Брат при редких встречах всегда острил: «Коммерция меня захомутала».

С Валентином у них тоже было мало общего. Иногда по телефону – дежурные фразы.

Вот еще осталась бывшая жена Лена. Он разошелся с ней, когда узнал об измене. В наше раскрепощенное время супружница нашла себе бойфренда по Интернету, как какую-нибудь китайскую вещичку.

– Бывает такое, – махнул на это рукой Коротков. – Значит, я ей мало внимания уделял. Сам дурак.

Но жить с ней Иван Иванович Коротков не стал: противно было прикасаться. Он эту брезгливость заметил неожиданно. Ему неприятно вдруг стало, мурашки по коже высыпали, когда он случайно дотронулся губами до кофе из ее чашки.

Можно было бы заключить, что Коротков одинок. Однако это не так. Было у него родное существо – крайне отзывчивое, нежное даже – его «японочка» Алмера. Машина среднего класса, на которой в Японии ездят мелкие чиновники.

Коротков ее выбрал по многим позициям. Во-первых, потому как имя машины напоминало первую любовь, Аллу Субботину, во-вторых, машина эта была такая же скуластенькая и узкоглазая, как та же Алла.

Короче, и во-первых, и во-вторых – из-за одного и того же.

Ну, а стальной цвет машины Короткову просто нравился: мужественно.

Редкая женщина похвалится таким уходом за собой, какой проявлял Коротков к своей «Алке» – так он иронически называл свое транспортное средство. И на холостом ходу, и на большой скорости он чувствовал дыхание своей любимой. Малейшую «першинку» он замечал без стетоскопа.

Человеческую клинику Коротков не жаловал, зато в СТО у него были свои мастера, которые за глаза удивлялись:

– Чего он хочет: машинка как часы работает?! Чудак на букву «м».

Но деньги брали – за какое-нибудь неважное подтягивание болта, лишнюю смазку.

Мыл, парафинил, переживал за незаметную царапину где-то там, в «подмышках», на невидимом месте.

Но зато и отдавалась Алмерка ему от всей своей души, и мчала по черному асфальту то в ясное серебряное утро, то в космическую черноту. В эти моменты внутри и трепетало, и звенело тоненько, и было так хорошо, будто дождик прошел и пахнет радугой. Так мать всегда говорила: «Пахнет радугой».

Тогда Коротков просто летел, не замечая ни рук, ни ног, ни стареющего своего тела. Никому об этом лихом полете Иван Коротков не рассказывал. Это было чисто его.

И вот однажды... В русском быту всегда существует это надежное слово. Однажды он заехал на знакомую мойку к Михалычу и увидел там ее. Он ее сразу узнал. Алла Субботина! Та самая, из первой влюбленности. Все ее лицо с острыми скулами, узенькие щелки глаз, тонкая, классически гибкая фигура, шаг с достоинством. И хоть она терла губкой дверцу Алмеры и почти не видела опустившегося на стоящий в углу моечного павильона табурет Короткова, все равно ее движения были аккуратными и плавными. Именно такими, какими были они в его юности у Аллы Субботиной.

Коротков знал, что та Алла Субботина умерла в чужом Ташкенте от онкологического заболевания, что это фантазмагория, и все же, несмотря на «чуть собачью», другим, каким-то новым разумом он понимал: она.

Когда он ее увидел, у него даже дыхание перехватило. Достигнув табурета, он пришел к странному выводу: гениальный ученый Михайло Васильевич Ломоносов прав — ничего никуда не исчезает. Закон сохранения вещества. Не докумекал русский гений, что это правило касается и женщин. Женщины не исчезают. Наверное, и мужчины не исчезают. Просто катятся все в разных поездах.

Мойщица Алла Субботина стала недоуменно поглядывать на пожилого мужчину, долго сидящего на старом, покоробленном от воды табурете. Обычно все уходит курить, пить кофе или просто

пошататься. А этот застыл как вкопанный.

Не решился Иван Иванович Коротков спросить, как звать девушку. Зато уж Алмерку-Аллочку свою «притопил», как следует. И очумевшая от счастья машина несла своего хозяина куда глаза глядят, чуть постанывая на неровном дорожном полотне.

Во второй половине дня Коротков переоделся в джинсы и цветастую рубашку. Ему везде «пахло радугой».

На другой день Иван Коротков опять хотел было записаться к Михалычу на мойку. Но мыть-то было нечего.

«Может, специально по пыли помотаться?» — подумал он.

Разум взял верх. И на мойку поехал в выходные.

Ему повезло. Работала Алла. Ей помогал какой-то «ботаник» на хилых ножках, обтянутых джинсовой материей.

Алла взглянула на Короткова, как на старого знакомого, и слегка улыбнулась. Да, он знал эту нерешительную улыбку. Коротков ее вспомнил. Даже отказывая в чем-то, та далекая Алла улыбалась так нежно, будто награждала.

Она улыбнулась и стала серьезнее. Ее лицо было грустным, горестным что ли. Дело в том, что вчера она поругалась из-за пустяка с Сашкой, который ее обожал, а она не понимала своих чувств к нему. Девушка подозревала, что здесь, на том месте, где она живет, не может быть любви. На такой почве ничего хорошего не растет. Хоть поливай ее, хоть целебной пеной покрывай — так, колючки одни.

И терла она машину Короткова энергично, пылесосила салон с таким же напором, будто хотела вычистить не только частный транспорт, а и внутри себя: всю кровь, всю лимфу. Было противно, что в том разговоре с Сашкой она пыталась себя показать.

Коротков, когда расплачивался, все же решился и, заглядывая в ее узенькие глаза, произнес:

— Вас случайно не Аллой зовут?

Она взглянула на него, как на старика, пристающего к молодой:

– Ни-на!

Холодно, отстраненно.

Конечно, он сумасшедший. Что ему привиделось?!

И все же на этом Коротков остановиться не мог. Вернее, не мог остановиться его язык, который начал плести несуразное. Мол, знакомая, точно такая, в далеком прошлом. Нес пургу, от которой глаза у мойщицы расширились до предельной величины.

Более того, седеющий Иван Иванович Коротков смаху пригласил девушку посидеть вечером в ресторане «Матрешка». Фантастика беспредельная. Нина, забытое русское имя, согласилась. Виной всему был вчерашний инцидент с влюбленным в нее Сашкой. Это было неизвестно что: отместка или просто сумасшествие – заразительное, как грипп.

В ресторан она пришла нарядной. Колечки, на шее цепочка с дельфином. Шаг у нее был по-прежнему плавный. Но сидела она на ресторанном стуле прямо, как учили в первом классе. И даже руки на столе держала сцепленными.

Нина училась на фельдшера «скорой помощи» в местном колледже. И подрабатывала на мойке.

– А что, больше нигде нельзя?

– Здесь сразу платят. Я на учебу коплю и на лето. Чтобы к морю.

Коротков заикнулся:

– А хотите, я вас на море отвезу, и будете там жить, сколько хотите.

Нина с недоумением взглянула на пожилого, малознамого человека и приподнялась было со своего высокого стула. Но потом опять села:

– Не надо так...

Коротков все понял.

Подали ужин. И голодная Нина, забыв, с кем она, накинулась на еду. Победил не только голод, но и молодой инстинкт, сам по себе заботящийся о человеке.

Вдруг опомнившись, она положила вилку на узорчатую салфетку и простодушно взглянула на Короткова:

– А вы заботитесь о своей машине очень тщательно, в ней и убирать-то нечего.

И Коротков, как бы оправдываясь, стал говорить, что это у него в характере, что он о любой вещи заботится так тщательно. Немного приврал, конечно. Хотя девушка права, об Аллочке своей он заботился со страстью.

И чуя, что Нина его слушает, чуток прихлебывая минеральную воду, стал говорить все. Надо же! Он говорил о своей матери, которую он учительно любил, а она жила далеко от него с новым отцом-отчимом Белозеровым, о брате своем, торгующем хомутами, даже о Ленке, но больше о юности, об Алле Субботиной, которую он называл Аленький Цветочек. Он говорил и взглядывал на Нину. Коротков захлебывался словами, тер щеки, промокал глаза и рот теми же узорчатыми салфетками. Ему было стыдно и радостно одновременно за пошлость, хмм, «Аленький Цветочек». Он взглядывал на мойщицу машин. Лицо Нины было крайне доверчивым. Нина не выветрилась, не полиняла, не растрясла душу по кочкам.

Такое чувство, что он за рулем своей Алмеры, опьяневший без вина, лишь от того, что его внимательно слушают. И снимают с сердца какой-то невидимый, неудобный груз, гиру.

Больше Коротков и Нина никогда не встречались. Просто спустя время ему стало стыдно за свою исповедь перед незнакомой девушкой. Да и душу больше беречь не хотелось. Ближнюю мойку он стал объезжать стороной, хотя нутром чуял, что девушка там давно не работает. ■